

Лидия Чарская

Тяжелым путем

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Чарская Л.
Ч-22 Тяжелым путем / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 88 с.

ISBN 978-5-458-04297-0

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодяям и мерзавцам не удается взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее герои такие, какими в главном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

ISBN 978-5-458-04297-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
ТЯЖЕЛЫМ ПУТЕМ

Повесть для юношества

Глава I

— Стой, извозчик, вон, у того дома... Твой руку, Иечка... Приехали, ну, помогай тебе Бог!

Андрей Аркадьевич первый выскочил с пролетки и протянул руку сестре.

Они ехали сюда около часа. Извозчик им попался очень плохой, да и расстояние с дальней окраины Петербургской стороны до одной из самых захолустных улиц Песков было не малое.

Шел дождь пополам со снегом. Стояли огромные лужи на улице. Катили экипажи с поднятыми верхами. Пешеходы сновали под зонтиками по скользким сырым тротуарам. Безотрадная картина поздней гнилой Петербургской осени встретила в этот день только выписавшуюся из больницы Ию. И сам дом, около которого остановился их возница, имел такой же безотрадный вид. Небольшой деревянный особняк с облупившейся краской даже и при освещении осеннего вечера выглядел очень непрезентабельно и угрюмо.

Такие дома составляют теперь большую редкость в столице и попадают только на самых глухих окраинах её. И место, где поселился Андрей Басланов с семьей, казалось очень глухим и отдаленным от центра.

— Послушай, Андрюша, да ведь тебе отсюда приходится ежедневно в Академию ездить... Как же ты можешь такую даль переносить? Ведь сколько времени терять приходится даром на одни поездки, — не могла не заметить Ия, пока Андрей Аркадьевич звонил у входной двери.

— И время даром на проезд тратишь, да и устаешь ты, Андрюша, по всей вероятности не мало? — допытывалась сестра.

— Это пустое, Иечка, — с беззаботным смехом отвечал сестре Басланов, — что касается усталости, то не такой я еще старик, сестренка, чтобы уставать из-за таких пустяков, а расстояние велико, это ты, пожалуй, справедливо говоришь. Но, с этим мириться можно, когда, благодаря отдаленности от центра, снимаемый нами особняк стоит пустяки, и благодаря этому деньги, ассигнованные нами на наем более удобной квартиры, мы можем тратить на другое, необходимое в жизни...

Но на что именно мог тратить Андрей излишек, остававшийся от платы за квартиру при таких условиях, Ии так и не пришлось узнать.

Дверь отворилась и на пороге её показалась очень нечистоплот-

ного вида прислуга с подоткнутым подолом, босая, в засаленном клетчатом переднике.

— Что это, Марья, вы открываете? Куда же Даша девалась? — морщась при виде её неряшливой особы, спросил Андрей Аркадьевич.

— Ушла, барин, Даша... Проскандалили они с молодой барыней все утро. А после собрала свой сундук и уехала. За пачпортом обещаюсь уж зайтить. Барыня и по сейчас вне себя лежит на диване, — обстоятельно докладывала кухарка.

— Ах, ты, Господи — опять неприятности! Нетти нервничает, она такая слабенькая, хрупкая, а прислуга так груба! — сорвалось смущенно с губ Андрея Аркадьевича и, наскоро сбросив пальто на руки встретившей их служанки, он прошел в гостиную. Ия последовала за ним. Уже с порога прихожей молодую девушку поразили стоны и вскрикивания, несшиеся из соседней комнаты.

Когда она вошла туда, то увидела нарядно, совсем не по домашнему, одетую молодую даму, лежавшую на кушетке с лицом полуприкрытым носовым платком, который она держала у глаз. Черные волосы молодой женщины, выбившись из прически, беспорядочными прядями сбегали вдоль спины. Прерываемым слезами и всхлипыванием голосом она кричала:

— Это невозможно!.. Это несносно!.. Я не хочу такой жизни!.. Я не потерплю её! Она погубит меня!.. Мое здоровье!.. Мои нервы... Каждая служанка, каждая ничтожная девчонка смеет грубить мне, урожденной княжне Вадберской! Да я за это на нее в суд подам... В тюрьму ее посажу! Я не прощу ей — этой негодной Дашке того, что она осмелилась наговорить мне!..

И снова взрыв рыданий огласил комнату.

Сидевшая около иступленно плачущей молоденькой особы пожилая дама, в которой Ия с первого же взгляда узнала княгиню Констанцию Ивановну с её прекрасным южного типа лицом и резкими манерами итальянки-простолюдинки, старалась всеми силами успокоить расхажившую дочь:

— Полно, не плачь, Нетти... Нечего глаза по пустякам портить... И платье напрасно мнешь... Эка — невидаль, подумаешь, — с горничной посчитались... Всюду это случиться может... В каждой семье! Перестань же плакать! Вот и Андрей пришел и не один!.. Создатель мой! Дева Мария! Да ведь это она, красоточка Ия! Дитя мое, я узнала вас сейчас же, даром что вы ужасно похудели да побледнели!

Тут княгиня стремительно и шумно поднялась с места и с про-

тянутыми руками устремилась навстречу Ии.

В ту же минуту оборвались слезы и стоны Нетти. Она отняла мокрый платок от распухшего лица и стремительно приподнялась с кушетки.

Её нарядное платье смялось, изысканная причёска растрепалась, красивое, как две капли воды похожее на лицо матери, личико изменилось и подурнело от портившего его выражения гнева.

— André, André — зашептала она, подзывая к себе мужа и с укором глядя в его смущенное лицо, — как мог ты меня оставить! Как мог ты уехать на целый день! Бог знает, что за ужас тут происходил без тебя! Эта дерзкая грубиянка осмелилась, наговорить мне Бог весть что! Надерзила и ушла... А мы тут оставайся и нянчи твоих прелестных племянничков, вместо того, чтобы ехать на раут к баронессе Икскуль. И куда ты пропал с утра? Где те был до позднего вечера? Почти до семи часов? Как тебе не жаль было оставить меня одну? — потоком вопросов посыпалось на Андрея Аркадьевича и черные глаза Нетти снова наполнились слезами.

— Деточка, успокойся, не плачь ради Бога. Я без вины виноват перед тобой, — горячо целуя маленькие выхоленные ручки жены, проговорил Басланов, — ты же знаешь, я никогда не оставлю тебя без нужды. Утро я провел в Академии, потом был в больнице, взял оттуда сестру и отвез ее в пансион, а потом заезжал к американцу Томсону условиться о покупке картины, затем снова заехал за Ией в пансион...

— Противные картины, они только разлучают нас с тобой! — не слушая мужа и надувая губки, произнесла Нетти.

— Деточка, эти противные картины кормят нас, — осторожно напомнил Андрей.

— Очень это нужно! У папы есть пенсия. Нам бы на всех хватило!

Андрей Аркадьевич в ответ на эти слова покачал головой.

— Ты же знаешь мой взгляд на такие вопросы, Нетти, — серьезно проговорил он, — да и не время говорить об этом. Займись лучше Ией, она так спешила к нам возобновить знакомство с тобой.

— А, Ия, здравствуйте! Очень рада вас видеть! — заученным тоном светской женщины произнесла Нетти, протягивая руку золовке. Та приблизилась к ней и увидела перед собой официально улыбающееся ей лицо и чужие, далекие родственного чувства, глаза молодой женщины.

Что-то кольнуло в сердце девушки.

Предчувствие сказало ей, что вряд ли она сойдется когда-либо с

этой пустышкой и бессодержательной Нетти. Но, желая сделать приятное Андрею, Ия ласково, по-родственному обняла невестку и поцеловала её горячую от недавних слез щеку.

— Я очень рада увидеть вас снова, милая Нетти, и помочь вам в воспитании ваших маленьких племянников, — проговорила она, пожимая руку молодой женщине.

— Ну, не знаю, повторите ли вы мне это, когда познакомитесь с «моими маленькими племянниками» — загадочно подчеркивая последние слова, произнесла Нетти; и, снова обращаясь к мужу, быстро-быстро заговорила, сопровождая свои слова резкими, экспансивными жестами:

— Вот именно из-за них-то весь сыр-бор и загорелся! Ты не можешь себе вообразить André, как они извели меня сегодня на уроке!.. Представьте себе, Ия, я ради скуки стала заниматься с этими милыми деточками по научным предметам и они меня окончательно вывели из себя... Так что я даже хотела их высечь.

— Нетти! Нетти! — вырвалось почти с ужасом у Андрея, в то время как Ия до боли закусила губы, чтобы не дать вырваться по адресу молодой женщины потоку негодования, вызванному словами последней.

— Ну, так что же из этого? — задорно, бросила мужу Нетти, — ну да, хотела их высечь обоих... Так они были несносны! А эта грубая Дашка налетела на меня как курица-наседка и стала кричать, что часа не останется больше там, где пускают в ход розги... Ичто она Зинаиде Юрьевне пожалуется, на меня и что здесь притесняют детей и Бог знает что еще наговорила, что и изверг-то я, и бессердечная, и чуть ли не палач. Словом, довела меня до слез... А сама ушла... И все из-за этих чудесных деточек... Кстати, пойдём к ним, Ия, я хочу познакомить вас с отчаяннейшей в мире породой маленьких людей, от которых нет никому ни минуты покоя в доме, — сверкая все еще горевшими гневом и негодованием глазами, заключила Нетти.

Андрей Аркадьевич с укором взглянул на жену. Потом перевел глаза на Ию и снова обратился к Нетти.

— Напрасно ты запугиваешь преждевременно сестру, деточка, — обратился он к Нетти, — Жура и Надя далеко не дурные дети. Правда, их жизнь до сих пор протекала на свободе, о них, в силу некоторых обстоятельств, некому было заботиться и манеры их, может быть, оставляют желать лучшего, но, в сущности, они — добрые, славные дети и...

— Добрые? Славные? Нет, это мне нравится! — неожиданно

прервала мужа сердитым голосом Нетти, и её южные глаза засверкали целым фейерверком негодования.

— Нет, милая Ия, я больше слова не скажу об этих прелестных деточках... Вы сами увидите их и поймете, права я или нет. А André к ним слишком пристрастен. Идем же, идем к ним!

И, схватив Ию за руку, Нетти потащила ее из гостиной...

Княгиня поспешила за ними.

— Возьмите и меня с собой. И я хочу присутствовать при первом знакомстве Ии с этими ангелочками, — смеясь закричала она.

Из гостиной, большой комнаты в три окна, со старыми запачканными во многих углах обоями, обставленной, очевидно, на скорую руку самой разнокалиберной мебелью, Ия с обеими хозяйками прошла в столовую.

Здесь, посреди комнаты стоял неубранный стол с остатками от обеда на беспорядочно расставленных тарелках, и с корками хлеба, разбросанными по весьма сомнительной чистоты скатерти.

Из столовой все трое прошли в длинный темный коридор. Его дальний конец упирался в лестницу.

— Поднимемся к ним. Детская находится наверху, — предложила Нетти.

По шатким, скрипучим ступеням Ия вместе с хозяйками дома прошла во второй этаж. Три двери таинственно белели в верхнем тоже совершенно темном переходе.

— Там кабинет рара, — указывая рукой на правую, — говорила Нетти, — рара пишет свои мемуары о Турецкой войне и любит тишину и уединение; там шкафная и комната для прислуги, — указала она на противоположную стену, — а это ваша обитель!

И при этих словах молодая женщина порывисто распахнула среднюю дверь.

При их появлении на пороге комнаты что-то быстро шарахнулось в сторону. Ия успела разглядеть только кусок необычайно яркой смеси розового с зеленым и голубым. И это розово-зелено-голубое забилось между комодом и рукомойником, находившимся в дальнем углу детской, небольшой комнаты, заставленной тремя кроватями и убогой сборной мебелью.

В тот же миг взгляд Ии встретился с прелестными ясными, как небо голубыми, детскими глазенками, в упор устремленными на нее.

— Жура, подойди сюда... А где Надя? — обратилась Нетти к голубым глазкам.

Маленький голубоглазый мальчик лет девяти, с длинными, как у девочки, локонами, вьющимися по плечам, выступил вперед, для

чего-то прикрывая рукой левое колено.

— А Надя где? Изволь отвечать!

Глаза Нетти сердито сверкнули. Но мальчик, по-видимому, ничуть не испугался гнева своей молоденькой тетки.

— Надя сейчас придет, — отвечал мелодичный голосок в то время, как голубые глазенки без тени смущенья с любопытством разглядывали Ию.

— Вот рекомендую нашего сорвиголову. Его зовут Журой, Евгением. Советую быть с ним построже; да и с его сестрицей тоже. Из рук вон какие оба проказники и упрямцы, — слегка подталкивая мальчика к Ии, проговорила княгиня Констанция Ивановна.

Молодая девушка протянула руку ребенку. Тот подал свою, которая только что довольно удачно прикрывал огромную дыру на чулке, как раз на коленке.

— Ах, Создатель мой, опять разорвал чулок, это возмутительно! — сердито крикнула Нетти, с силой дернув мальчика за руку, так что вся его миниатюрная фигурка пошатнулась, как шатается молодое дерево под напором ветра, и, экспансивно жестикулируя, заговорила:

— Вы не поверите, Ия, сколько с ними забот и хлопот! Все на них горит, как в огне, прислуга не успевает штопать и чинить за ними. Одних сапог сколько перенашивают, если бы вы знали. Никаких сил с ними нет. На них не напасешься. Вот уж сказать по правде, послал рара этакую обузу Господь! — И Нетти, говоря это, с откровенной злобой поглядывала на мальчика. Тот отвечал ей далеко не доброжелательным взглядом, глядя исподлобья своими чудесными, но совсем не кроткими голубыми глазенками.

Вдруг легкий шорох послышался в углу. Шорох и как будто шелест шелкового платья. Все невольно посмотрели в ту сторону, откуда доносился шум.

— Боже мой, Надя! Зачем ты залезла туда?

В два прыжка Нетти очутилась у комода, протянула руку в отверстие, образовавшееся между ним и умывальником, и извлекла оттуда довольно необычайную фигурку.

Если бы в наш век были чудеса, Ия приняла бы непременно за чудо зрелище, открывшееся её глазам: она увидела второго мальчика Журю или вернее точную копию Журю, одетую, однако, довольно своеобразно: длинная розовая, шелковая, старинного покроя юбка, в которой путалась миниатюрная фигурка ребенка, окружала ее. Зеленый, в виде кафтана, лиф сидел мешком на хрупких детских плечах, и голубой шарф широко опоясывал узенькую, как у куклы,

талию. Пепельные локоны, приподнятые кверху и зачесанные в высокую вычурную прическу, увенчивались небольшим дамским чепчиком, какие носились при наших бабушках в дни их юности несколько десятков лет тому назад.

Миниатюрная хрупкая фигура ребенка совсем утонула в этом странном допотопном наряде. А худенькое, бледное с голубыми жилками на висках и лбу личико, озаренное парой таких же прекрасных голубых глаз, как у Журы, выглядело так забавно в этом старомодном наряде, что Ия, взглянув на него, не могла удержаться от улыбки.

Но ни княгиня, ни её дочь не разделяли, по-видимому, впечатления молодой девушки.

Нетти густо покраснела. Все лицо Констанции Ивановны тоже залило краской негодования и гнева.

— Дрянная девчонка! — вскричала она, сопровождая свои слова резкими жестами, — ты опять украла ключ от шкафной? Опять рылась в сундуках и унесла прабабушкино платье? — накиннулась она на маленькое существо в столь своеобразном одеянии.

— Отвратительный ребенок! Ее следует высечь за такие проделки! — закричала в свою очередь Нетти, бледная от душившего ее гнева. — Сейчас же сними все это и приходи ко мне вниз. О, я сумею расправиться с тобой. Слышишь?

Она быстро подошла к ребенку и изо всей силы ущипнула Надю за маленькое ушко.

Пронзительный крик огласил комнату. В тот же миг мальчик очутился перед молодой Баслановой. Его худенькое, бледное личико побледнело еще больше, а голубые глаза сердито засверкали, когда он заговорил, обращаясь к тетке, волнуясь и дрожа всем телом:

— Вы не смеете! Вы не смеете! Не смеет бить Надю... Обижать ее... И называть воровкой не имеете тоже никакого права! Я дедушке скажу и маме тоже... Мы у вас ничего не воровали... Мы только захотели поиграть прабабушкиным платьем... Надя в гости ко мне, как будто, приехала... А я хозяйин, будто, был... Мы бы поиграли и повесили снова все на место... А в сундук мы не лазили... честное слово, нет. Платье Даша еще вчера вывесила проветрить от моли... И дверь в шкафную открыта была... Мы ключа не таскали... А Надю я не дам обижать... Она слабая женщина, она сама не сможет за себя заступиться. Я должен быть её защитником! Я её брат...

— Что?.. Как ты смеешь говорить так со мной, негодный мальчишка! Тебя из милости держат у нас в доме! Мы тебя с твоей сестрой кормим, поим и одеваем, а ты еще смеешь так дерзко раз-